

денный и его защитник. Безусловно, предложенные процессуальные статусы указанных субъектов нуждаются в дальнейшей доработке, однако сама тенденция определения процессуального положения участников дополнительных производств является прогрессивным шагом в развитии учения о дифференциации современного уголовного процесса.

А.Н. Гончарова*

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Действующий уголовно-процессуальный закон определяет публичный порядок раскрытия преступлений, изобличения виновных и привлечения их к уголовной ответственности. Однако производство по делам о преступлениях частного обвинения в уголовном процессе имеет ряд особенностей, а именно: 1) уголовно-процессуальное законодательство предусматривает особый упрощенный порядок производства по данной категории дел; 2) функция обвинения возлагается не на государственные органы, а на частное лицо, потерпевшего, в связи с чем в уголовном процессе наряду с институтом публичного обвинения формируется институт частного обвинения; 3) потерпевшему передаются некоторые права на распоряжение предметом процесса, в частности, уголовное дело о преступлениях частного обвинения не может быть возбуждено без согласия потерпевшего, выраженного в соответствующей жалобе, а возбужденное подлежит прекращению, кроме того, допускается прекращение производства по делу за примирением обвиняемого с потерпевшим.

* А.Н. Гончарова, 2002.

Факт введения в процессуальную практику производства по делам частного обвинения, со всеми соответствующими ему особенностями, по-новому высветил целый ряд серьезных проблем. В частности, неоднократно отмечалось¹, что предоставление потерпевшему столь значительных прав, коими он наделяется в рамках производства по делам частного обвинения, противоречит самой сути уголовно-процессуальной деятельности и нарушает ее единство-

Основным определяющим сущность и обеспечивающим единство любой деятельности фактором является, как известно, цель. Соответственно, правильным будет начать рассмотрение обозначенной выше проблемы с обращения к вопросу о цели уголовно-процессуальной деятельности в рамках правового государства.

История показывает, что не всякое государство, где действуют и исполняются законы, может быть названо правовым, а общество — гражданским. Известно достаточно случаев, когда в праве находили свое выражение преимущественно воля и интересы отдельных социальных групп и даже личностей, при этом само исполнение законов, как правило, было надежно обеспечено.

В качестве основного критерия существования и уровня развития правового государства можно назвать степень представленности способов реализации и защиты основных общечеловеческих ценностей в законодательстве, и не только в форме деклараций, но и действующих правовых механизмов. Сегодня в условиях построения в Российской Федерации правового государства особенно важно, чтобы названный выше критерий был представлен

¹См., например: Джатиев В.С. "Частное" обвинение в уголовном процессе: вопросы теории, законодательства и практики // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам / Под ред. В.И. Васильева Калининград, 1990; Строгович М.С. Уголовные дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего // Ежегодник советской юстиции. 1926. №41; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс, М, 1962 и др.

в сфере уголовно-процессуальной деятельности как можно в большей мере.

Цели уголовного процесса не только не должны противоречить общепризнанным, закрепленным в Конституции социальным ценностям, но и непосредственно способствовать их реализации, поскольку, как правильно отмечал еще в конце XIX в. известный российский процессуалист И.В. Михайловский: "Наложение на граждан наказания, вторжение в сферу самых драгоценных их прав есть акт до такой степени серьезный, имеет столь важные и сложные последствия, настолько потрясает все существо человека, настолько нарушает нормальное течение жизни, что пользование этим обоюдоострым мечом должно быть обставлено всевозможными осторожностями и гарантиями для того, чтобы не совершилось самого вопиющего, самого позорного насилия над личностью, для того, чтобы на место достойного нравственно-разумной природы человека понятия права не поставлено было понятие силы со всеми печальными последствиями такой замены"¹.

Формулировка ст. 2 УПК РСФСР увязывает решение таких исключительно процессуальных задач, как быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, обеспечение правильного применения закона, - с важнейшими общесоциальными². Так, с одной стороны, вся уголовно-процессуальная деятельность должна отвечать условию, что в процессе ее осуществления ни один невиновный не будет привлечен к уголовной ответственности и осужден, а каждый совершивший преступление подвергнется справедливому наказанию. С другой стороны, производство по уголовным делам должно способствовать охране прав и свобод человека и гражданина, мате-

¹Михайловский И.В. К вопросу об уголовном суде. По поводу предстоящей судебной реформы. Нежин, 1899. С13.

²Новый УПК РФ в ч. 1 ст. 6 непосредственно указывает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

риальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства.

Таким образом, в соответствии со ст. 2 УПК РСФСР (ст. 6 УПК РФ) содержательная оценка качества осуществления уголовно-процессуальной деятельности в России должна вестись с точки зрения достигаемых ею социально значимых результатов. В то же время оценка данного вида деятельности допустима и относительно процессуальных критериев, однако эффективной она будет только в том случае, если полученные в ее результате показатели будут рассматриваться в строгой взаимосвязи с широким спектром факторов социальной среды. Вне указанной взаимосвязи результаты оценки имеют лишь промежуточное, а не окончательное значение, использование их в качестве последних ведет к отсутствию объективной информации об эффективности осуществляемой деятельности, что, в свою очередь, рано или поздно приводит к ее регрессу и разрушению.

В данном контексте *оценка обоснованности выделения и специфики производства по делам частного обвинения может быть признана качественной и содержательной только тогда, когда проводимый анализ будет осуществляться относительно уголовно-процессуальных показателей в их взаимосвязи с общесоциальными и криминологическими*. Среди процессуальных критериев для исследования интересующего нас вопроса наиболее подходящими, с нашей точки зрения, являются метод и принципы уголовного процесса, поскольку именно через эти категории цель последовательно конкретизируется и реализуется в правовых механизмах, институтах, нормах. В свою очередь, среди многочисленных социальных критериев правильнее избрать общечеловеческие ценности, и в первую очередь соблюдение личных неимущественных прав, так как значение их для большинства людей бесспорно.

Одним из основополагающих принципов уголовно-процессуальной деятельности является принцип публичности, содержание которого выражается в обязанности

правоохранительных органов государства в пределах своей компетенции независимо от усмотрения заинтересованных лиц и организаций принимать все законные меры для раскрытия преступлений, изобличения и наказания преступников, выяснения всех существенных обстоятельств дела, охраны прав и законных интересов участвующих в деле лиц.

Предоставление потерпевшему по делам частного обвинения известных полномочий в рамках возбуждения и прекращения дела, поддержания по нему обвинения неоднозначно воспринимается в кругах ученых-процессуалистов. По мнению одних¹, порядок производства по данной категории дел существенно противоречит принципу публичности, в связи с чем ставится под сомнение сама необходимость его (производства) дальнейшего существования. Аргументацию сторонников такой точки зрения нельзя назвать бесспорной. По большому счету, вся она сводится к признанию за принципом публичности статуса абсолютно верной идеи, в соответствии с которой должна строиться вся уголовно-процессуальная деятельность. Однако принцип нельзя отнести к числу безусловных категорий науки. Еще в XIX в. Ф. Энгельс указывал, что "...принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человек соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы

¹ Подробнее данную точку зрения см.: Анпилогова В.Г., Кокорев Л.Д. К вопросу о частном обвинении // Социалистическая законность и охрана прав граждан. Воронеж, 1963; Грабовская Н.П., Солодкин И.И., Элькин П.С. К вопросу о делах частного обвинения // Вопросы уголовного права и процесса. Л., 1956; Джатиев В.С. "Частное" обвинение в уголовном процессе: вопросы теории, законодательства и практики // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам / Под ред. В.И. Васильева. Калининград, 1990; Мокринский С.П. Дела частного обвинения // Основы и задачи советской уголовной политики / Под ред. Е.Г. Ширвиндт. М.; Л., 1929; Строгович М.С. Уголовные дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего // Ежегодник советской юстиции. 1926. № 41; Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков, 1929 и др.

верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории"¹.

Основополагающее начало деятельности, выраженное в принципе, являет собой определенный, наиболее эффективный способ (идею) достижения цели в ряде типично складывающихся ситуаций. Гооря точнее, *сфера действия принципа и его содержание напрямую зависят от цели деятельности, основополагающее начало которой в нем формулируется, и типа ситуаций, в которых эта деятельность разворачивается. Изменение типа ситуации неизменно должно вести к ограничению одного принципа деятельности и выработке другого, более адекватного достижению ранее поставленной цели. Соответственно, основания ограничения принципа проявляются в отсутствии возможности посредством реализации, содержащейся в нем идеи, достичь в данной ситуации поставленной цели, что может быть выявлено в результате проведения анализа эффективности деятельности.* Сказанное верно и для принципов уголовного процесса.

Основной задачей, решение которой в уголовном процессе осуществляется посредством реализации принципа публичности, является не только основанное на законе, быстрое и полное расследование и разрешение уголовных дел специально созданными для этого правоохранительными органами; но и защита граждан от произвола, нарушающего их основные конституционные права и свободы. Как уже отмечалось ранее, соблюдение конституционных прав и свобод граждан является также основным критерием эффективности уголовно-процессуальной деятельности в правовом государстве. Следовательно, *государство, в котором личные неимущественные права признаны в числе наивысших ценностей, должно добровольно ограничить свое вмешательство в криминальную ситуацию в случаях, если оно нанесет больше вреда потерпевшему, чем совершенное против него преступление.*

¹ Цит. по кн.: Добровольская Т.М. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 6.

В уголовно-процессуальной литературе уже довольно давно существует точка зрения, рассматривающая специфику производства по делам частного обвинения с позиции ограничения действия принципа публичности¹. Такой подход в целом представляется верным, однако, как нам кажется, недостаточно проработанным. Чтобы обосновать ограничение в данном случае, правильнее будет обратить внимание не только на материально-правовую специфику преступлений частного обвинения, но и доказать, во-первых, что действие принципа публичности в этих ситуациях нарушает конституционные права и свободы граждан, а его ограничение, в свою очередь, таких последствий не влечет.

Вопрос защиты в рамках уголовно-процессуальной деятельности прав и законных интересов всех граждан, так или иначе пострадавших от преступления, равно как и подозреваемого, обвиняемого, подсудимого по уголовному делу, неоднократно поднимался в российской и зарубежной процессуальной литературе. Обсуждая данный вопрос, известный ученый-криминалист конца XIX — начала XX в. П.И. Люблинский уже в то время очень точно указывал, что "гарантия уважения личности состоит, во-первых, в установлении сферы активности и самостоятельности личности, во-вторых, в ограничении произвола органов власти"². Эта же идея, но несколько в другом ключе, разрабатывалась в популярных на тот период тео-

¹ См., например: Ленский А.В., Якимович Ю.К. Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России. М., 1998; Якимович Ю.К. Дела частного обвинения и принцип публичности в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы правоведения в современный период. Томск, 1993; Таубер Л.Я. Жалоба потерпевшего в преступлениях неофициальных. Харьков, 1909; Hoppmann, Koetz. Klagen Privater im oeffentlichen Interesse. Frankfurt, 1975; Schmidt R. Staatsanwalt und Privatklaeher. 1891; Schora. Das Recht der Privatklage. Neuwied, 1967 и др.

² Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие не уклонение обвиняемого от правосудия. СПб., 1906. С. 7.

риях, названных Л.Л. Таубером *теориями пощады потерпевшему*¹.

Представители данной группы теорий² рассматривали уголовно-процессуальную деятельность с точки зрения конфликта двух интересов: интереса государства, требующего уголовного преследования преступления как деяния общественно опасного, и интереса потерпевшего, рассматривающего гласное и публичное производство по делу как усугубление вреда, нанесенного ему преступлением. А в появлении в уголовном законодательстве достаточно многочисленной группы преступлений частного обвинения видели результат добровольного отказа государства от принадлежащего ему права преследования и наказания в случаях, если в силу объективных обстоятельств уголовное преследование деяния, всегда соединенное с судебной оглаской, может принести больше вреда потерпевшему и его семье, чем безнаказанность данного преступления.

Изучение ситуаций реализации принципа публичности в уголовном процессе показывает, что, например, в ряде случаев деятельность правоохранительных органов по возбуждению уголовного дела действительно наносит сравнительно больше вреда, чем совершенное преступление. К числу таковых, несомненно, относятся составы, предусмотренные ст.ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ, *Публичный порядок возбуждения уголовного дела по ним можно рассматривать как грубое, необоснованное вмешательство в частную жизнь граждан, зачастую влекущее разглашение конфиденциальной информации, разрушение социальных связей, наносящее дополнитель-*

¹ Подробнее обзор этих теорий см.: Таубер Л.Я. Жалоба потерпевшего в преступлениях неофициальных. Харьков, 1909. С. 359-369; Резон А.К. фон. О преступлениях, наказуемых только по жалобе потерпевшего по русскому праву. СПб., 1883. С. 39-57.

² Положения теории нашли свое выражение в работах таких российских ученых, как: Будзинский, Резон, Розин, Таубер, и других; а также следующих немецких ученых: Geib, Godefroi, Heije, Koestlra, Meyer, Mittermaier, Reber, Temme, Thomsen, Trebutien, Zachariae и др.

ные психологические травмы, поскольку только потерпевший может содержательно определить, носило ли совершенное деяние характер преступного посягательства или нет. Причем травмирующее воздействие деятельности правоохранительных органов распространяется не только на лицо, в отношении которого было совершено деяние, официально квалифицированное как преступное, но и на ближайшее его окружение (семью, родственников, друзей, соседей и т.д.). Кроме того, факт публичного возбуждения такого уголовного дела в целом отрицательно скажется на авторитете правоохранительных органов в глазах рядовых граждан, которые будут воспринимать эти действия не иначе как проявление произвола со стороны власти и чувствовать себя перед ним полностью незащитными.

Таким образом, публичный порядок возбуждения уголовного дела по составам ст. ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ наносит урон таким социальным ценностям, выраженным в личных неимущественных правах, как неприкосновенность частной жизни граждан и конфиденциальность информации о ней, неприкосновенность и психологическое спокойствие личности, ценность семейно-родственных, дружеских, соседских и иных отношений, ценность жизни в государстве, доверие к государственным органам и т.д., что дает все основания для его ограничения.

Аналогичная ситуация складывается не только применительно к составам преступлений, отнесенным действующим российским уголовно-процессуальным законодательством к числу составов частного обвинения, но и к составам частно-публичного обвинения. В соответствии с ч. 2 ст. 27 УГОС РСФСР на сегодня к ним относятся составы, предусмотренные первыми частями статей 131, 146 и 147 УК РФ, а в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ - уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 131 (ч. 1), 136 (ч. 1), 137 (ч. 1), 138 (ч.1), 139 (ч. 1), 145, 146 (ч. 1) и 147(ч. 1)УК РФ.

Не только факт возбуждения уголовного дела, но и публичный порядок уголовного преследования может не-

гативно сказаться на психологическом состоянии и социальном статусе потерпевшего. Так, в процессе сбора доказательств компетентные органы вынуждены вмешиваться в тонкую и хрупкую ткань межличностных отношений потерпевшего с окружающими с целью получения доказательств по делу, информация, полученная в уголовном процессе по делу, может носить конфиденциальный характер, а ее разглашение окажется более разрушительным, чем совершенное ранее преступление. С этих позиций вполне обоснованным видится *ограничение публичного порядка преследования и возложение на потерпевшего функций частного обвинителя* по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ. Именно потерпевший, как никто другой, заинтересован в защите своих прав, нарушенных преступлением. При этом только он может однозначно определить, что выгоднее: привлечение виновного к уголовной ответственности, отказ от обвинения в связи с нежеланием усугублять свое положение или примирение с обвиняемым.

В то же время решение ситуации посредством возложения на частного обвинителя обязанности по сбору доказательств по делу не менее спорно, поскольку возможности частных лиц по сбору и предоставлению суду доказательств по делу неравнозначны и ограничены, а это, в свою очередь, можно рассматривать как произвольное ограничение возможностей доступа граждан к осуществлению правосудия, что является нарушением прав человека. Кроме того, неспособность гражданина в связи с отсутствием у него необходимых средств, образования, черт характера и т.д. доказать вину лица, совершившего против него преступление частного обвинения, может привести к безнаказанности преступника и снижению авторитета правоохранительных органов в глазах населения, что будет способствовать совершению новых общественно опасных деяний. Таким образом, возложение обвинительной функции на потерпевшего делает в существующих условиях практически невозможным качественное обвинение подсудимого и осуществление правосудия.

Решение проблемы посредством предоставления мировому судье права содействовать сбору доказательств по делам частного обвинения вызывает опасения относительно качества осуществления правосудия, поскольку реализация этого права не только влияет на внутреннее убеждение судьи, но и приводит к появлению обвинительной позиции в деятельности суда. В результате нарушается сразу несколько основополагающих принципов уголовного процесса, а именно: принцип презумпции невиновности, принцип осуществления правосудия на началах равенства всех перед законом и судом, принцип состязательности и равноправия сторон, принцип объективности исследования обстоятельств дела. Кроме того, с уверенностью можно говорить о нарушении при производстве по делам частного обвинения прав подсудимого, который в силу известных обстоятельств вынужден не только доказывать свою невиновность, что уже само по себе недопустимо, но и делать это в ситуации предвзятого к нему отношения со стороны суда. Данной ситуации можно избежать, если возложить обязанность по содействию частному обвинителю в сборе доказательств не на мирового судью, а на участковых инспекторов милиции общественной безопасности.

Важным процессуальным признаком, позволяющим отграничить дела частного обвинения от дел частного-публичного обвинения, является возможность прекращения производства по делам частного обвинения в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого (ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР или ч. 2 ст. 20 УПК РФ). В качестве оснований, позволяющих таким образом ограничить принцип публичности, рассмотрим сразу несколько факторов.

Преступления частного обвинения характеризуются тем, что потерпевший и обвиняемый, как правило, состоят между собой в родственных, дружеских, соседских и иных близких отношениях, а отношения эти образуют основу нормальной жизнедеятельности общества во всем ее многообразии, чем и определяется их высокая социальная ценность. Важной особенностью является то, что межлич-

ностные отношения, разрушенные в результате совершения преступления частного обвинения, могут быть восстановлены при наличии на то обоюдного желания сторон и благоприятных внешних условий, а нанесенный ущерб - компенсирован. Последнее на фоне высокой социальной ценности такого рода отношений выгоднее для общества, нежели завершение уголовно-процессуального производства и вынесение приговора по делу.

В ситуациях, когда конфликт исчерпан и стороны примирились, это является не только излишней, бессмысленной тратой государственных средств, но и приводит к социально неблагоприятным последствиям, поскольку создает новую конфликтную ситуацию и провоцирует дальнейшее разрушение значимых для общества и самих сторон межличностных отношений. Более того, *сам факт неотвратимости уголовного осуждения и наказания, с одной стороны, является серьезным препятствием для восстановления нормальных отношений обвиняемого с потерпевшим, а с другой — оказывает негативное влияние на отношение общества к правосудию. Все это в конечном счете наносит больше вреда, чем само совершенное преступление частного обвинения.*

Дополнительные аргументы в пользу предоставления потерпевшему и обвиняемому возможности примирения с последующим прекращением на этом основании производства по уголовному делу частного обвинения предоставляют современные криминологические исследования. Их данные наглядно демонстрируют, что привлечение лиц, впервые совершивших преступления небольшой степени общественной опасности, к уголовной ответственности, особенно в виде лишения свободы, зачастую разрушает имеющиеся у них социально одобряемые отношения (семейные, родственные, дружеские и т.д.) и является серьезным криминализирующим личность осужденного фактором¹. В то же время *сохранение и восстановление*

¹ См., например: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997; Шнайдер Г.Л. Криминология. М., 1994; Kalmthout Anton M. van, Tak Peter J.P. Sanctions-systems in the member-states of the Council of Europe

ние межличностных отношений потерпевшего и обвиняемого, в первую очередь, по делам частного обвинения выступают в качестве важного условия ресоциализации правонарушителя.

Таким образом, ограничение действия принципа публичности посредством введения такого основания для прекращения производства по уголовному делу частного обвинения, как примирение сторон, обусловлено необходимостью сохранения или восстановления значимых для всего общества межличностных отношений, в которые включены обвиняемый и потерпевший, что, как правило, невозможно в ситуации неотвратимости привлечения к уголовной ответственности.

Действующее уголовное законодательство России, на первый взгляд, не лишено противоречий в отношении использования примирения как основания прекращения производства по уголовному делу. Так, в соответствии со ст. 76 УК РФ освобождение от уголовной ответственности за примирением сторон возможно в отношении всех лиц, впервые совершивших преступления небольшой степени общественной опасности. Однако указанная статья Уголовного кодекса ничего не говорит о возможности прекращения на этом основании самого досудебного производства по уголовному делу.

В то же время ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), с одной стороны, указывает на возможность прекращения уголовного дела за примирением сторон вплоть до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора, а с другой — не ограничивает этой возможности предъявлением требования об отсутствии судимостей у подсудимого. При этом число преступлений частного обвинения значительно меньше, чем число преступлений небольшой степени общественной опасности, и не сводится к составам ст.ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ.

(deprivation of liberty, community service and other substitutes). Part I, II. Deventer - Boston, 1992; Lemert E.M.- The societal reaction to deviance. 1974 и др.

Возникает ситуация, в которой норма ст. 76 УК РФ, как может показаться, плохо согласуется с нормой ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Если в ст. 76 УК РФ речь идет о материально-правовых основаниях освобождения от уголовной ответственности, то *в ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) примирение вводится как процессуальное основание прекращения производства по уголовным делам о преступлениях частного обвинения, обусловленное их материально-правовой спецификой и необходимостью реализации общесоциальных целей уголовно-процессуальной деятельности.*

Специфика преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, в частности, их небольшая тяжесть, бытовой характер, а также высокая ценность для потерпевших благ, на которые направлено преступное посягательство, наполняет особым содержанием и значимостью вопрос о доступности судебной защиты. При этом показателем доступности является не только пространственная приближенность суда к населению, но и соответствие судебной процедуры и сроков рассмотрения сложности уголовных дел.

В специальной литературе широко обсуждают идею необходимости максимального упрощения и ускорения производства по делам частного обвинения без ущерба для его качества. *Важным аргументом в ее пользу, с нашей точки зрения, должно являться отнюдь не указание на простоту дела, столь распространенное в специальной литературе, а учет того факта, что после совершения преступления отношения между потерпевшим и обвиняемым обычно находят свое новое продолжение, причем происходит это параллельно и независимо от хода уголовного процесса по делу.* Заявление потерпевшего о возбуждении уголовного дела применительно к развитию межличностных отношений сторон играет роль катализатора. После его подачи процесс выяснения личных взаимоотношений, как правило, активизируется, результаты же, полученные в ходе этого процесса, практически не поддаются предсказанию. Из их числа нельзя исключить втягивание в кон-

фликт новых участников, совершение других, в том числе более тяжких преступлений, равно как и примирение сторон. Следует сказать о существовании закономерности, в рамках которой *чем дольше длится производство по уголовному делу частного обвинения, тем выше вероятность выбора потерпевшим и обвиняемым внесудебных, спонтанных способов выяснения межличностных отношений и разрешения существующего криминального конфликта.*

В этом контексте появляется *необходимость* создания системы социального контроля за развитием межличностных отношений обвиняемого с потерпевшим и обеспечения определенных гарантий их личной неприкосновенности. *Основу этой системы, как нам кажется, должны образовать специализированные посреднические социальные службы, к компетенции которых необходимо отнести, например, следующее: выполнение посреднических функций (медиации) в конфликте потерпевшего с обвиняемым; непосредственное проведение социально-психологического тренинга с участниками конфликта; проведение полного анализа конфликтной ситуации; прогнозирование возможных вариантов развития межличностных отношений сторон.*

Идея создания посреднических социальных служб не противоречит, а последовательно развивает идею существования в уголовном процессе самостоятельного производства по делам о преступлениях частного обвинения. Безусловно, данные социальные службы не должны входить в систему правоохранительных органов, что, впрочем, не означает отсутствия между ними законодательно определенной сферы взаимодействия.

На посреднические социальные службы должно быть возложено проведение деятельности по примирению сторон, а на мирового судью - функция контроля за этой деятельностью и принятие на основании представленных этими службами материалов процессуальных решений по делу, например, о возбуждении уголовного дела в связи с невозможностью на данном этапе конфликта примирить стороны и на основании соответствующего

" - , " ; -
 -
 -
 " ; -
 " - -
 -
 ,
 -
 -
 " . -
 : " 6 . 318 -
 , -
 " . -
 : " 5 . 319 -
 -
 -
 . -
 " . 2 . 20 -
 41 " . 319¹ " -
 :
 " 1 . 36 -
 -
 -
 , . -
 2 . 20 . -
 2 . -
 24 -
 , -
 -

	,	.	-
	,		-
3.	()	-	-
	,		-
4.	.2 .321	.	-
	,		-
5.		.	-
		-	-
6.	.		-
	,		-
	,		-
7.	.		-

делу частного обвинения вплоть до времени начала разбирательства дела в суде.

8. В случае, если примирение между сторонами по делу частного обвинения не было достигнуто, социальная посредническая служба за 24 часа до начала судебного разбирательства информирует об этом судью и предоставляет ему экспертное заключение о состоянии конфликта, в котором отражает реальное положение дел и дает обоснованный прогноз дальнейшего развития отношений сторон. Экспертное заключение социальной посреднической службы приобщается к материалам уголовного дела частного обвинения".

Сам факт проведения посредническими социальными службами профессиональных работ, направленных на разрешение существующего конфликта, позволит задать культурную форму выяснения межличностных отношений между потерпевшим и обвиняемым и тем самым в значительной степени снизить возможность их спонтанного (не ограниченного никакими нормами) развития. При этом производство по делам частного обвинения, осуществляемое параллельно с деятельностью посреднических социальных служб, можно рассматривать в качестве дополнительного обстоятельства, мотивирующего обвиняемого и потерпевшего к более серьезному и ответственному отношению к проводимым между ними процедурам, направленным на их примирение.

Несмотря на ограничение действия принципа публичности, при производстве по делам частного обвинения сохраняется традиционно императивный характер правового регулирования деятельности правоохранительных органов. В то же время само ограничение осуществляется путем предоставления потерпевшему более широких, чем по другим категориям дел, возможностей влияния на ход процесса. При этом назвать расширение диспозитивного начала в правовом регулировании деятельности потерпевшего ничем не ограниченным также нельзя, поскольку право и обязанность процессуального оформления его во-

леизъявления по-прежнему остаются в ведении правоохранительных органов.

Мнение потерпевшего по делам частного обвинения, не нашедшее должного процессуального закрепления, не имеет никакого юридического значения. К примеру, сам по себе факт примирения потерпевшего с обвиняемым не влечет за собой прекращения производства по уголовному делу до тех пор, пока о нем не будет поставлен в известность мировой судья, который на основании данного факта обязан вынести постановление о прекращении производства по уголовному делу за примирением сторон.

Именно благодаря законодательно закреплённой за правоохранительными органами обязанности процессуального оформления наиболее значимых для дальнейшего движения уголовного дела решений потерпевшего при производстве по делам частного обвинения сохраняются все необходимые условия для реализации таких важнейших уголовно-процессуальных принципов, как: законность; гласность; право использовать национальный язык; равенство граждан, защищающих свои права и интересы, перед законом и судом; обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту; презумпция невиновности; состязательность и равноправие сторон; разделение процессуальных властей, сторон и функций; самостоятельность судов и независимость судей; осуществление правосудия только судом и на началах равенства всех перед законом и судом.